

И.А. Кравец

«ЧЕЛОВЕК ДОСТОЙНЫЙ» («HOMO DIGNUS») В СОВРЕМЕННОМ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМЕ И В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ СТАТУСА ЛИЧНОСТИ (ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ, СРАВНИТЕЛЬНЫЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ АСПЕКТЫ)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, научный проект № 18-011-00761 А.

Рассматриваются homo dignus (человек достойный) как теоретический, конституционный и правовой концепт, проблема юридического оформления человеческого достоинства в отечественном и международном контексте, многоликость термина «достоинство», а также научные подходы к пониманию человеческого достоинства в современной конституционной юриспруденции в сравнительном аспекте, право на человеческое достоинство как субъективное право, основу прав человека и юридическую форму конституционной правосубъектности.

Ключевые слова: homo dignus; человеческое достоинство; конституционализм; право на достоинство; imago Dei, правовая концепция личности, конституционный статус личности, равное достоинство.

Основным вопросом было достоинство или его отсутствие, чувство достоинства или самоуважения, которое все мы ищем.
Френсис Фукуяма¹

Введение: человек достойный (homo dignus) и правовая концепция личности

Homo sapiens, homo ludens, homo deus, homo dignus – концепты, которые отражают эволюцию человека и его сознания, концептуализируют осознание места человека среди других живых существ и в мире в целом. Homo economicus, legalis-homo – уже более ориентированные на профессиональные, мировоззренческие или статусные позиции характеристики современного человека. Соединение эмоций, интеллекта и различных способностей, их развитие в процессе человеческой деятельности приводят к пониманию отличительной особенности человеческой личности, а именно обладанию достоинством как способности и дара, которым должно дорожить во взаимодействии с окружающим миром и живыми существами. Человек достойный (homo dignus) – несомненный атрибут гуманизма и современности, которая апеллирует в философском и этическом значении к гуманитарной экзистенции человечества, к моральным и личностным качествам человека. Величайшая заслуга Дж. Мирандолы в том, что он акцентировал свою позицию на понимании достоинства человека одновременно как божественного дара и самотворения человеческих качеств в результате саморазвития в обществе; такое саморазвитие является продолжением божественного творения [2]. Теологическая интерпретация достоинства («по образу Бога», imago Dei), характерная для отцов церкви (святой Августин) и яркой речи Дж. Пико дела Мирандолы, отличается от понимания его стоиками, особенно Цицероном, который связывал римское «dignitas» с почетным авторитетом и статусом лица². В современных исследованиях человеческого достоинства (в юриспруденции, философии, медицине, биоэтике) преобладает светский, секуляризированный, а не теологический подход; вместе с тем концепт «образ Бога» («imago Dei») принимает активное участие в религиозных и светских дискуссиях и, по мнению исследователей (таких как

Andrew Lustig), религиозное понимание темы имиджа / подобия как основы для претензий на достоинство дополняет или корректирует светские описания достоинства [4. Р. 850–851].

Цель статьи – обосновать концепцию «конституционализм человеческого достоинства» с позиций российского, сравнительного и международного контекста, показать взаимоотношения человеческого достоинства и современного конституционализма. Современное право (в частности универсальное международное) и российское конституционное право стремятся секуляризировать человеческое достоинство, сохраняя «божью искру» в природе человека. Понятие достоинства в современную эпоху раскрывает неразрывную связь с понятием человеческой личности. Как отмечает профессор международного права О. Шехтер, «идея человеческого достоинства включает в себя сложное понятие личности», такое понятие «включает признание отдельной индивидуальной личности, отражающей индивидуальную автономию и ответственность» [5. Р. 850–851]. Достоинство также может быть личностной характеристикой, которую люди обычно имеют в разной степени и могут так или иначе индивидуально проявлять в определенных случаях. Обычно достойный человек может иногда вести себя недостойно. В этом смысле достоинство рассматривается как функция состояния человека и его поведения [6. Р. 201]. Идея человеческого достоинства пользуется выдающимся статусом в отечественных конституциях и в международном праве прав человека. Парадокс человеческого достоинства как символа заключается в том, что при широком и весьма разнообразном его использовании в качестве универсальной основы прав человека оно «неловко сочетается с отсутствием точного определения»; «не имеет конкретного значения или последовательного определения» [7. Р. 1]. Правовая концепция личности предполагает осмысление правовых форм закрепления человеческого достоинства, а также место такого достоинства в структуре как правового положения личности в целом, так и

конституционного статуса человека и гражданина (основ правового положения личности, как предписывают конституционные нормы). В международных правовых актах универсального или регионального характера не формулируется право на достоинство, хотя многие конституции современных государств данное право признают. Отсылка к достоинству во многих международных правовых актах не сопровождается раскрытием содержания этой правовой категории; не закрепляются и правомочия индивида как элементы права на достоинство. Ситуация стала меняться со второй половины XX в. под несомненным влиянием международных правовых актов, доктрины конституционализма и прав человека. Развивая доктрину современного российского и европейского конституционализма, ряд ученых отстаивают в рамках доктринального конструктивизма конституционное право на достоинство личности, опираясь или на конкретные конституционные положения, или на их толкование органом конституционного правосудия. Из российских ученых следует отметить Н.С. Бондаря, И.А. Кравца, которые признают достоинство и как субъективное конституционное право, и как конституционную ценность, основанную на положениях ч. 1 ст. 21 Конституции РФ [8. С. 19–31; 9. С. 14]; В.В. Невинского, отстаивающего возвышение достоинства человека в качестве новой высшей и универсальной общественной ценности в системе ценностей XXI в. [10]. Из зарубежных исследователей следует отметить А. Барака [11], который разграничивает человеческое достоинство как конституционное право и как конституционную ценность, признавая их существование в юриспруденции Израиля; Р.Д. Глэнси [12. Р. 65] с видением различной роли человеческого достоинства в правовой системе США и признанием права на достоинство в системе юридических прав; немецкую конституционную доктрину и практику Федерального конституционного суда [13. Р. 39–40], в которых и доктринально, и судебно-практически отстаивается существование конституционного права на достоинство.

Появились исследования в сфере сравнительного конституционного права (основанные на выборке отдельных случаев в разных странах, но не в систематизированном страноведческом плане), в которых подтверждается широта распространения в современных конституциях достоинства как субъективного права. В частности, в книге Эрин Дейли «Права на достоинство: суды, конституции и ценность человеческой личности» рассматривается связь права на достоинство с иными субъективными правами, которые формируют представление о существовании множественных прав на достоинство, вовлекая в анализ конституционные нормы и тексты конституций различных государств и судебные акты [14. Р. 1–2]. Хотя автор и отмечает, что эта книга – «не философское исследование значения человеческого достоинства» [14. Р. 2], она рассматривает отдельные случаи использования, толкования и судебного применения права на достоинство по всему миру, существуют и критические замечания в адрес проведенной работы [15. Р. 150]. Отсюда возникает более значимая роль конституци-

онного права, конституционализма и доктрины прав человека в перспективах теоретического обоснования и юридического оформления права на человеческое достоинство или права на достоинство личности. Это не мешает представителям научной конституционной юриспруденции выступать с методологической критикой признания конституционного права на достоинство, утверждая, во-первых, что такого права нет; во-вторых, что его признание или даже регламентация – совершенно бесполезное дело, оно вносит путаницу и приводит к смешению понятий «достоинство» и «автономия» [16. Р. 551–552]. Юридические акты закрепляют различные элементы положения личности, образуя правовой статус человека и гражданина. Место человеческого достоинства в системе юридических актов предполагает оценку как статуса достоинства, так и статуса правовых актов, которые его закрепляют; иерархичность источников права в формальном смысле требует ясного осознания юридического статуса и юридической силы норм, которые формулируют нормативные положения о достоинстве личности, способах его защиты, охраны и обеспечения со стороны государства. Вместе с тем останавливаться на формально-юридическом подходе, в том числе ограниченном отраслевым видением, для целей понимания юридического значения достоинства личности явно недостаточно. Можно отметить эвристическую ценность и мультидисциплинарность человеческого достоинства.

Существуют следующие подходы, влияющие на правовую концепцию личности и юридические формы закрепления человеческого достоинства (в международном праве) или достоинства личности (в конституционном и ином внутригосударственном праве): 1) философско-правовой, соединяющий аналитическую философию с аналитической юриспруденцией; 2) философско-этический, отстаивающий моральную и гуманистическую ценность человеческого достоинства; 3) экзистенциальный, охватывающий философскую и юридическую экзистенцию (предельность смысла существования и признания достоинства); 4) теологический, основанный на христианской этике и проникающий в биоэтику; 5) подход юридического полиморфизма, устанавливающий взаимосвязь, значимость и приоритеты правовых форм регулирования и закрепления достоинства личности. Различные подходы раскрывают грани (исторические, этические, экзистенциальные, правовые) и перспективные горизонты человеческого достоинства, однако не решают проблему определенности концепта, так как единого концепта – постоянного во времени и в пространстве – нет.

Замечание, расширяющее познавательные круги достоинства с позиций права, было высказано Джереми Уолдроном в работе «Достоинство, ранг и права»: «Мы не должны предполагать, что правовой анализ достоинства – это просто список текстов и прецедентов в национальном и международном праве, в которых появляется слово “достоинство”. Есть такая вещь, как философия права, есть такие вещи, как правовые принципы, и это будет юриспруденция достоинства, а не азбучный анализ (“hornbook analysis”)...» [17. Р. 15].

Нельзя отказывать достоинству в юридическом смысле, даже если правовой акт не определяет содержание данного термина (понятия). Не всегда легальное определение достоинства личности имеет развернутую в правовом акте формулу. Чаще всего такого легального определения нет в национальном законодательстве и в конституциях. Доктринальные определения достоинства могут опираться на разные традиции и иметь различные значения и коннотации, которые накладываются друг на друга и иногда конфликтуют. Юридические связи между достоинством и положением личности раскрываются через многие элементы конституционно-правового и иного отраслевого статуса человека и гражданина. Именно конституция и право в широком смысле (законодательство, судебные акты) обеспечивают личности в границах национальной (внутригосударственной) юрисдикции юридическое содержание и правовые (включая судебные) гарантии достоинства; порождают правовые отношения в сфере реализации, обеспечения достоинства во взаимосвязи с различными правами человека и гражданина.

Таким образом, правовая концепция личности взаимодействует с правовой концепцией человеческого достоинства, и формы их взаимодействия разнообразны.

1. Достоинство личности как правовая концепция выступает юридическим основанием для структуры и элементов правового положения человека и гражданина, а в случае закрепления категории «достоинство личности» в тексте конституции – в качестве конституционно-правовой основы статуса личности. Положения ч. 1 ст. 21 Конституции РФ могут интерпретироваться (доктринально и в практике конституционного правосудия) именно в духе конституционной (или шире – конституционно-правовой) основы положения человека и гражданина в РФ; как важнейший юридический фундамент построения общеправового статуса человека и гражданина и положения личности в различных отраслях права.

2. Достоинство личности не индифферентно к дееспособности лица. Правовая концепция личности оперирует категорией «дееспособность», которая раскрывает поведенческие и ментальные способности лица в правовой сфере; она концентрирует внимание юристов на способности физического лица своими действиями приобретать права, свободы, выполнять обязанности и нести ответственность. В этом случае дееспособность взаимосвязана с деликтоспособностью лица. Достоинством обладает личность и в случае ее полной дееспособности, и в случае ограниченной или утраченной дееспособности. Недееспособные лица обладают достоинством как элементом их правового положения и юридической основой для сохранения и реализации человеческих качеств, даже если самостоятельность реализации человеческих свойств, защиты интересов, их прав и свобод в значительной степени утрачивается. Достоинство дееспособного лица отличает человека от иных живых существ, отражает способность лица осуществлять выбор своего поведения и способность нести ответственность за совершаемые деяния.

3. Достоинство человека с точки зрения членства в политическом и конституционном сообществе не зависит от его гражданства; достоинством обладает человек, который может иметь различные отношения с государством: быть апатридом, гражданином, бипатридом или полипатридом, иностранцем на территории государства. Российская конституционная юриспруденция и конституционное правосудие толкуют положения ч. 1 ст. 21 Конституции с широких нормативных позиций: принадлежность достоинства личности означает и обязанность государства защищать и охранять достоинство различных субъектов конституционного права, где гражданство не играет ключевую роль в идентификации достоинства. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 29.05.2018 № 21-П отмечено, что «лицам, не состоящим в гражданстве Российской Федерации, должна быть обеспечена на ее территории возможность реализации прав и свобод, гарантированных им Конституцией Российской Федерации, а также государственная, включая судебную, защита от дискриминации на основе уважения достоинства личности»³.

4. Достоинство личности апеллирует к идее равноправия, производной от общих оснований принадлежности к человеческому роду. Соединяясь в области права, идея достоинства и идея равенства стимулируют генерирование нового парадигмального мышления в форме равного достоинства. Конституционное право и современный конституционализм развивают юридическую концепцию равного достоинства. По мнению исследователей, равное достоинство является концепцией с сильной доктринальной родословной; она не просто оглядывается назад на целенаправленную прошлую субординацию (подчиненность), но «скорее закладывает основу для продолжающегося конституционного диалога об основных правах и значении равенства» [18. Р. 17]. Равное достоинство как конституционализированный принцип дополняет принцип равноправия; он может служить основанием для балансирования и поиска оптимального соотношения достоинства личности и реализации прав и свобод, исполнения обязанностей человека и гражданина, а также ограничения его прав и свобод.

Констатируя наличие различных форм взаимодействия человеческого достоинства и правовой концепции личности, следует обратить внимание на то, что право способно интегрировать различные подходы к использованию человеческого достоинства. Однако этого недостаточно. Необходимо смотреть на право и достоинство как на основания современного правопорядка и публичного управления в различных сферах жизнедеятельности человека. По мнению Стивена Райли, «человеческое достоинство требует, чтобы базовый статус каждого человека составлял окончательную основу наших обязательств, независимо от устойчивейшей практики наших правовых и политических институтов» [19. Р. XI]. Современные правовые системы пока далеки от этого требования, они могут воспринимать его только как методологическую основу развития и отдаленный идеал, достижение которого невозможно ожидать в ближайшей перспективе правового развития.

Конституционализм и человеческое достоинство: вопросы взаимоотношений

На первый взгляд, как показывает мировой конституционный процесс на протяжении последней четверти XVII – первой половины XX в., конституционализм и человеческое достоинство не сопрягались с общими правовыми принципами и конституционными положениями; хотя они не стояли на различных полюсах конституционного развития современных государств и наций, тем не менее существовало очень мало точек юридического соприкосновения между человеческим достоинством как неотъемлемым свойством человека, конституционными принципами организации государства и принципами взаимоотношений личности и государства. На протяжении более чем 200 лет при формировании принципов современного конституционализма билли о правах (декларации о правах и свободах) стали постепенно признаваться неотъемлемой частью объектов конституционного регулирования и структурной частью системы современного конституционализма. Вместе с тем ни в поколениях прав человека, ни в системе конституционных прав и свобод довольно долго человеческое достоинство не занимало сколько-нибудь значимого, тем более ведущего или основополагающего места. До появления Устава ООН в 1945 г. и Всеобщей декларации прав человека в 1948 г. термин «человеческое достоинство» встречался только в конституционных актах пяти государств.

Заслуживают внимания примеры германского и ирландского подходов, которые стояли на различных полюсах конституционного значения достоинства. Так, Конституция Германской империи (Веймарская) 11 августа 1919 г. в ст. 151 отмечала, что «строй хозяйственной жизни должен соответствовать началам справедливости и цели обеспечения для всех достойного человека существования». В этом положении прослеживалась связь между устройством экономической жизни и принципом справедливости и целью обеспечения достойного человека существования для всех граждан. Достойное человека существование связывалось и с обеспечением свободы в экономической сфере. Таким образом, Веймарская конституция не вводила достоинство как атрибутивное свойство личности, регулируемое нормами конституции и конституционного права, на основе которого мог возникнуть статус достоинства как права и как принципа защиты. Второй пример – Конституция Ирландии от 29 декабря 1937 г., преамбула которой провозглашала среди целей и обеспечение достоинства «... с тем чтобы были обеспечены достоинства и свободы человека, достигнут подлинный социальный порядок, восстановлено единство нашей страны и достигнуто согласие с другими народами».

Конституционная цель обеспечения достоинства наряду со свободой человека – более близкий вариант к выработанным после Второй мировой войны моделям конституционного закрепления достоинства личности в сравнительном конституционном праве. В 2012 г. уже 162 страны использовали термин «достоинство» в своих конституциях, что составляло 84%

суверенных государств, которые являлись членами ООН [20. Р. 461]. В начале XXI в. различные терминологические концепты человеческого достоинства являлись распространенным конституционным явлением, а сам термин «человеческое достоинство» приобрел конституционный статус и стал юридическим основанием для правового полиморфизма достоинства и множественности юридических форм закрепления и способов защиты в современных правовых системах на внутригосударственном, наднациональном и международном уровнях. Методологической основой современных концепций человеческого достоинства является признание сложного и полиморфического характера достоинства, с одной стороны, с другой – центральной роли «для современной архитектуры прав человека» [21. Р. 371], причем на национальном, наднациональном и международном уровнях развития правового регулирования прав человека.

Современный конституционализм включает набор принципов и правил, направленных на ограничение политического господства и государственного правления; на создание эффективных государственно-правовых институтов, содействующих демократическому участию; проведение в жизнь организационных и юридических средств защиты основных прав и свобод личности; обеспечение независимости правосудия и повышение эффективности конституционно-процессуальной защиты прав и свобод личности, объединений граждан – юридических лиц. Современный конституционализм функционирует в условиях интеграционных процессов и процесса глобализации, которые являются как источником диалога правовых культур, так и появления различных правовых форм конституционной защиты от подобных процессов; в частности, одну из функций защитной конституционной модернизации играет и концепция конституционной идентичности, конституционной самобытности, конституционной исключительности. Самостоятельная ценность конституционализма иногда оспаривается. По мнению британских исследователей, конституционализм обычно связывается исследователями публичного права с другими конституционными ценностями и принципами, такими как господство права или разделение властей. Заслуживает обсуждения тезис о том, что «конституционализм должен быть либо отличен от этих концепций, либо, если этого не произойдет, может быть безопасно исключен из публично-правового дискурса» [22. Р. 427].

Конституционализм в современных государствах включает конституционную регламентацию и формы судебной защиты (особенно в органах конституционного контроля и конституционной юстиции) основных прав, свобод и обязанностей человека и гражданина, в ряде случаев прав юридических лиц как объединений граждан. Длительное время конституционализм как концепция оставался «юридически безучастным» к человеческому достоинству, мог сосуществовать с институтом рабства (как в США в конце XVIII – первой половине XIX в.); при осмыслении этапов развития и поколений прав человека, отраженных в конституциях государств нового и новейшего времени, достоинство личности не занимало институ-

ционального положения в структуре действующих конституций и правового положения личности. Конституционная наука не инкорпорировала сам институт человеческого достоинства в концепции билля о правах (различные модели конституционного регулирования прав и свобод) на протяжении конституционного развития от первых конституционных актов XVII–XVIII вв. до первой половины XX в.

Современный сравнительный, отечественный, наднациональный конституционализм по праву рассматривает человеческое достоинство в качестве «юридического сердца» правового положения личности и как фундаментальную основу и главное право в системе не только конституционных, но и наднациональных, и международных прав и свобод человека и гражданина. Идея достоинства личности как «конституционного ядра» требует новых размышлений и оценки эффективности государственных и юридических средств защиты в отношении прав и свобод. Это «конституционное ядро», которое несет в себе достоинство личности, меняет многие представления о правовых формах закрепления и юридических средствах защиты, государственном механизме обеспечения различных прав и свобод; оно служит основой для нового концепта.

В статье, посвященной 25-летию Конституции РФ и 70-летию Всеобщей декларации прав человека, был предложен концепт «конституционализм человеческого достоинства» в качестве теоретико-методологического осмысления этого ключевого свойства человеческой природы в контексте современной конституционной и международной юриспруденции [23. С. 93–94]. Конституционализм и публичное право после Второй мировой войны приобрели гуманитарную и юридическую сердцевину благодаря человеческому достоинству; как отмечает Самуэль Мойн (Samuel Moyn), именно конституционализм, основанный на человеческом достоинстве (“concept of dignitarian constitutionalism”), «восстановил публичное право в наше время» [24. Р. 40]. Юридические формы человеческого достоинства, основанные на конституционном и шире – публичном праве, не только продвигают более глубокое понимание значимости прав человека и гражданина, правовых средств их защиты, показывая взаимосвязь и взаимозависимость достоинства и правового статуса личности, но и создают условия для вектора справедливости в правовой системе, ориентированной на высокие стандарты защиты прав и свобод личности в различных сферах правового регулирования.

По словам Джона Ролза, «справедливость – это первая добродетель общественных (публичных) институтов, как и истина – для систем мышления» [25. Р. 3]. «Будучи первыми добродетелями человеческой деятельности, – утверждает философ, – истина и справедливость бескомпромиссны» [25. Р. 4]. Существование правовых форм признания, обеспечения и защиты достоинства содействует продвижению социальной справедливости, хотя многое зависит от того, насколько далеко статусная концепция человеческого достоинства разводит различия индивидов в обладании правами и их гарантировании; насколько реаль-

ным становится обеспечение равного достоинства в обществах с иерархическими системами социальной стратификации.

В исследованиях природы и места достоинства личности в системе современных прав и свобод (как на международном, так и на национальном уровне) существует дилемма о предназначении человеческого достоинства. В рамках *первого направления* одни исследователи отмечают, что «человеческое достоинство является главной философской основой прав человека, как это выражено в Уставе Организации Объединенных Наций, Всеобщей декларации прав человека и многих других документах» [26. Р. 25].

Второе направление исследований представлено авторами, которые считают, что достоинство играет конституирующую роль в современных правовых системах, признающих права и свободы личности в качестве конституционно значимых ценностей. В этом смысле достоинство – человекоцентричный ориентир для права и правовой системы. Человеческое измерение права, «челоцентричное» правопонимание, признание за достоинством роли высшей и универсальной общественной ценности (В.В. Невинский, В.М. Шифиров) позволят видеть и признавать метаюридические корни достоинства личности (Н.С. Бондарь, И.А. Кравец), развивать и совершенствовать правопорядок с центральным положением человека и его достоинства в правовой системе страны, в наднациональных правовых системах [27. С. 120].

Третье направление включает исследователей, рассматривающих достоинство в контексте анализа характера человеческих действий. Использование «человеческих действий» в качестве индикатора того, какие аспекты должна представлять хорошая правовая система, является яркой отправной точкой, как отмечает Винфрид Бруггер. По его мнению, это особенно верно в отношении сложных случаев в праве, которые, несмотря на то что они обычно оспариваются, приводят к принятию юридически обязательных решений. Они обременены «антропологическим крестом принятия решений» [28. Р. 1243]. Концепция человека глубоко укоренилась в процессе принятия решений, она отражает место человеческого достоинства и прав человека и связана с человеческим потенциалом отражать, выбирать и оправдывать то, что человек делает. Это потенциал для каждого человека. При обычных обстоятельствах и в результате социализации и инкультурации он будет присутствовать у каждого взрослого с различной степенью соответствия социально-уникальному и творческому подходу. Поэтому достоинство – атрибут личности, которая способна принимать самостоятельные решения, совершать выбор, неся «антропологический крест» и ответственность за свои решения. «Если мы понимаем место человеческого достоинства в четырех точках пересечения решений, – пишет Винфрид Бруггер, – мы можем обеспечить связь между достоинством как доминирующей социальной и правовой ценностью и основополагающими правовыми концепциями личности, индивидуальности, ответственности и атрибуции» [28. Р. 1250–1251]. Достоинство как атрибутив-

ное свойство личности предполагает как свободу действий, так и ответственность за принятые решения. Свобода действий не предполагает причинно-следственной неопределенности действий; скорее, это предполагает различные влияния на наше поведение изнутри (четыре точки зрения) и извне (социализация, взаимодействие, инкультурация). Что касается право-порядка, то он предполагает право каждого человека «вести жизнь», иметь некоторую свободу действий, гибкость или выбор в рамках своей «квадричности» чувств и перспектив.

Четвертое направление признает множественность функций человеческого достоинства в современной юриспруденции. Исследователи из юридического факультета Еврейского университета в Иерусалиме рассматривают три ведущие функции человеческого достоинства: 1) символически-декларативное использование; 2) в качестве руководящего принципа по осуществлению (реализации) прав; 3) как руководящий принцип в вопросах ограничения основных прав и свобод [20. Р. 461–464]. В то время как одни авторы считают концепты «человеческое достоинство» и «права человека» сиаемскими близнецами [29. Р. 846], другие выступают за их разделение. Поэтому *пятое направление* полагает, что права человека и человеческое достоинство должны быть разделены как «сиамские близнецы» в связи с тем, что они являются «неудобными компаньонами» («uncomfortable bedfellows») по трем причинам: 1) существует парадокс обоснования: понятие человеческого достоинства не решает проблемы обоснования прав человека, а скорее усугубляет ее в светских обществах; 2) это кантианский тупик («Kantian cul-de-sac»), если права человека были основаны на концепции достоинства Канта, а не на теологическом основании, такие права теряют свою универсальную значимость; 3) возникает опасность «по ассоциации»: человеческое достоинство в настоящее время более спорный концепт, чем понятие прав человека, особенно учитывая нерешенное противоречие между желательным достоинством и неприкосновенным достоинством [30. Р. 323–324].

Шестое направление выдвигает на первый план достоинство как субъективное право. Судья и ученый А. Барак в своей книге «Судья в демократии» («The Judge in a Democracy») писал: «Самое главное из прав человека – это право на достоинство. Это источник, из которого вытекают все остальные права человека. Достоинство объединяет другие права человека в единое целое» [31. Р. 85]. В более поздней работе, посвященной человеческому достоинству как конституционной ценности и как конституционному праву, А. Барак отстаивает самостоятельную ценность и значение человеческого достоинства в конституционной юриспруденции и конституционной аргументации. Ученый показывает взаимосвязь и раздельное значение достоинства как конституционной ценности и как конституционное право: последнее является более узким конституционно-правовым явлением, чем конституционная ценность, которая имеет несколько ролей в современной конституционной юриспруденции и конституционном толковании. Он утверждает, что достоинство касается *трех ролей* в качестве консти-

туционной ценности: 1) достоинство служит нормативной основой для других конституционных прав; 2) достоинство служит толковательным принципом для других конституционных прав (это своеобразный руководящий принцип); 3) достоинство играет роль в анализе соразмерности при рассмотрении вопроса об ограничении тех прав, которые являются конституционными. В книге утверждается, что основа достоинства как конституционной ценности напрямую связана с достоинством человека в связи с тем, что основана на человечности [32. Р. 103–104].

Конституционализм человеческого достоинства в российской юриспруденции

Достоинство как понятие следует отличать от концепций достоинства. Конституционное правопонимание достоинства соединяется с различными способами использования термина «достоинство» в конституционной юриспруденции. Конституционное правопонимание достоинства личности в российской юриспруденции формируется на основе инкорпорирования философских, экзистенциальных, этических и биосоциальных аспектов в «юридическую ткань» концепта; известный гражданско-правовой смысл достоинства человека обогащается конституционно-правовым содержанием, которое основано, с одной стороны, на тесной связи достоинства с правовой концепцией личности, и с другой стороны, на социально-политической и конституционно-правовой коммуникации достоинства с демократическим и социальным гражданством, которое обеспечивает включенность категории «достоинство» в процесс реализации различных прав и свобод, исполнения обязанностей не только граждан страны, но и иных субъектов конституционного права.

В российской конституционной юриспруденции формируется доктрина конституционализма человеческого достоинства, которая стремится охватить различные правовые грани использования концепта «достоинство личности», закрепленного в положениях ч. 1 ст. 21 Конституции РФ. Что включает в себя доктрина «конституционализм человеческого достоинства» в условиях российской юриспруденции, которая учитывает международно-правовые регуляторы и практику отечественного конституционного правосудия?

1. *Принцип уважения человеческого достоинства.* В тексте Конституции РФ 1993 г. данный принцип непосредственно не формулируется, он выводится из конституционных норм и имеет статус конституционно-интерпретационного принципа как руководящего для норм отраслевого законодательства, практики их применения, в том числе в ходе оценки отраслевых норм на соответствие действующей Конституции РФ. Конституционализация принципа уважения человеческого достоинства основана на интерпретации ч. 1 ст. 21 Конституции РФ («Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления»). Слова «ничто не может быть» указывают на признание высокого статуса достоинства, отсутствие какого-либо основания для

«умаления» достоинства предполагает имплицитное существование уважения человеческого достоинства. Именно из презумпции существования уважения человеческого достоинства вытекает конституционный запрет на появление каких-либо оснований для умаления достоинства. Российское законодательство может уточнять содержание и фиксацию принципа уважения человеческого достоинства в отраслевых правовых актах, опираясь на конституционно-интерпретационную основу данного принципа.

2. *Принцип конституционной охраны достоинства личности*, который юридически закреплен в первом предложении ч. 1 ст. 21 Конституции РФ. Охрану достоинства личности Конституция РФ возлагает на государство. Это публично-правовое обязательство Российского государства в отношении неопределенного круга субъектов – обладателей достоинством. Конституционная охрана достоинства увязывается Конституционным Судом РФ с утверждением приоритета личности и ее прав во всех сферах; суд рассматривает ее «как необходимую предпосылку и основу всех других неотчуждаемых прав и свобод человека, условие их признания и соблюдения»⁴. Эта неоднократно выраженная правовая позиция Конституционного Суда РФ указывает на взаимосвязь принципа конституционной охраны достоинства личности как обязательства Российского государства и форм гарантированной реализации «неотчуждаемых прав и свобод человека», которыми в контексте конституционной юриспруденции являются основные и генетически связанные с ними отраслевые права и свободы, а также обязанности человека и гражданина в Российской Федерации.

3. *Принцип конституционно-правовой, конституционно-процессуальной и российской отраслевой (процессуальной) защиты достоинства личности*. Данный принцип имеет конституционную основу, интерпретационные положения в правовых позициях Конституционного суда РФ; он выступает как конституционно-процессуальное средство защиты достоинства личности как в контексте ч. 1 ст. 21 Конституции РФ, так и ч. 4 ст. 125 Конституции РФ и ст. 96 ФКЗ о КС о праве граждан и их объединений на обращение с жалобой в Конституционный Суд РФ. Федеральному органу конституционного правосудия в России следует учитывать приоритет принципа конституционно-правовой и конституционно-процессуальной защиты достоинства личности как обладающего более высоким правовым статусом закрепления и более высоким конституционно-интерпретационным положением. Соотношение принципа конституционно-правовой и конституционно-процессуальной защиты достоинства личности с иными отраслевыми и процессуальными средствами защиты определяется в доктрине, в процессуальном законодательстве, в правовых позициях Конституционного Суда РФ. Представляется важным, чтобы Конституционный Суд РФ поддерживал авторитет и высокий статус принципа конституционно-правовой и конституционно-процессуальной защиты достоинства личности и не отказывал заявителям в возможности его использования простой ссылкой на наличие иных средств процессуальной (отраслевой)

защиты достоинства личности и взаимосвязанных с ним прав, свобод, законных интересов. Можно ли считать, что положения ст. 152 ГК РФ (в том числе содержащиеся в п. 1, 3 и 9 данной статьи), устанавливающие гражданско-правовые способы защиты чести, достоинства и деловой репутации, определяют порядок реализации конституционного права на защиту чести и доброго имени (ст. 23, ч. 1 Конституции РФ), а также направлены на осуществление конституционной обязанности государства охранять достоинство личности (ст. 21, ч. 1)⁵? Очевидно, что Конституционный Суд РФ не разграничил конституционный статус принципа охраны достоинства личности государством и гражданско-правовые способы защиты чести, достоинства и деловой репутации с позиций конституционно-правового и конституционно-процессуального решения. Принцип конституционной охраны достоинства личности связан с принципом конституционно-процессуальной защиты достоинства, хотя и требует самостоятельного обоснования. Отказывая в праве на использование принципа конституционно-процессуальной защиты достоинства личности, Конституционный Суд умалает и принцип конституционной охраны достоинства личности, который не может играть только роль отсылочной нормы к иным процессуальным (отраслевым) способам защиты достоинства. Важно выявлять не только конституционный смысл отраслевого законодательства в процессе оценки конституционности оспоренных норм, но и создавать конституционное понятие и конституционное содержание таких принципов, как принцип конституционной охраны достоинства личности и принцип конституционно-правовой и конституционно-процессуальной защиты достоинства.

4. *Принцип равного достоинства как конституционализированный принцип основ правового статуса личности*, предусмотренных главой 2 Конституции РФ (ст. 64). Опираясь на правовые позиции Конституционного Суда РФ, судебную и доктринальную конституционализацию достоинства личности, возможно расширение юридического поля действия принципа равного достоинства. Данный принцип может играть роль «конституционного зонтика» для правового статуса личности в Российской Федерации, роль судебного-интерпретационного и руководящего начала для оценки конституционности как правовых актов отрасли конституционного законодательства, так и актов иных отраслей права, которыми затрагиваются вопросы достоинства во взаимосвязи с конституционными и иными отраслевыми правами, свободами, обязанностями. Конституционной сердцевинной принципа равного достоинства выступает равноправие и обладание достоинством каждым человеком.

5. *Субъективное конституционное право на достоинство*, которое может иметь статус конституционализированного основного права человека и гражданина в Российской Федерации, непосредственно не предусмотренного Конституцией РФ, но имплицитно присутствующего и выводимого из положений о том, что «достоинство личности охраняется государством». Данное конституционное право может защи-

щаться в процедуре конституционного судопроизводства. Конституционной опорой данного права служит презумпция о том, что государство охраняет не только само достоинство, но и право на него как субъективное право человека и гражданина.

Универсальность и конституционно-семантическое поле концепта «достоинство»

Достоинство означает ценность в каком-то «абсолютном», автономизированном и объективированном, как бы «особенном» смысле [33. Р. 251]. Атрибутивность достоинства объективируется нормами международного и внутригосударственного права. Конституционное право и право в области прав человека занимают центральное положение в современных демократических государствах, поэтому статус достоинства, отраженный в нормах конституций и системах современного конституционализма, претендует на значение ведущей конституционной ценности и конституционного ориентира для других отраслей права и для практики конституционного правосудия. Конституционное время для достоинства личности хотя и наступило, особенно со второй половины XX в., создает разнообразную нормативную и судебную практику регламентации и защиты достоинства, сохраняя определенный юридический скептицизм о ее всеобщем и сравнительном значении. Как отмечают исследователи в сравнительном конституционном праве, центральная роль человеческого достоинства в глобальной культуре права («global culture of law») отнюдь не очевидна [21. Р. 371–373]. Юридическое время признания достоинства личности несоизмеримо мало по сравнению с историческим временем идеи человеческого достоинства (или достоинства). Человеческое достоинство как этическая и политическая идея имеет очень сильную историю. Как у юридической концепции у него была довольно медленная карьера. Достоинство появилось слишком поздно в системе современного конституционного права, скорее, включение его в Устав ООН и Всеобщую декларацию прав человека вызвало дальнейшее развитие и генерирующее влияние на доктрины и нормативные основы конституционализма, прав человека и общего конституционного права.

В научных работах российских исследователей постепенно сформировалось представление о том, что право на достоинство личности имеет конституционный статус. Появились диссертации, в которых рассматривается конституционное право на достоинство личности как естественное, субъективное право, имеющее универсальный характер и относимое к первому поколению прав человека, к группе личных (гражданских) прав и свобод [34. С. 6, 9]. В иных работах достоинство личности анализируется с более широких позиций как правовое явление в целом; предпринимаются попытки создать единую концепцию «правового бытия достоинства личности в условиях современного российского общества» [35. С. 4]. Возвышение достоинства личности в системах современного и европейского конституционализма вызвано стремлением поставить под защиту (судебную, конституци-

онно-процессуальную) прав человека, которые в том или ином виде тяготеют к пониманию достоинства как основания или ядра прав человека. Конституционализм соперничает с иными системами правового порядка и государственного управления в вопросах эффективности и генетической способности поддерживать многообразие, устойчивость и продуктивность в согласовании разнообразных интересов, ценностей и ожиданий. Обращаясь к достоинству, конституционализм не может игнорировать факт географического распространения правового регулирования достоинства и наличие культурного и связанного с ним разнообразия. Конституционализм определяется как модель, основанная на гарантиях, которая доверяет консенсусу лишь в определенной степени, но в то же время требует, чтобы конституционные суды поддержали ценности, руководящие принципы и основные права. В частности, особое внимание уделяется объективным элементам, таким как человеческое достоинство, либерально-демократический порядок и политический плюрализм, среди прочего обуславливающим обоснованность правопорядка, хотя и подходом, учитывающим основополагающий дух конституционного государства [36. Р. 392].

Универсальность и адаптивность конституционных принципов делает их устойчивыми для потребностей развития и применения в правовых системах различных государств. Положения о достоинстве личности способны продлевать жизнь конституций, хотя в большей степени конституционное долголетие – это результат комбинации устойчивой динамики конституционных норм, их адаптивность к меняющимся общественным отношениям, открытая структура конституции к новациям и инновациям в праве, разнообразные политико-правовые формы влияния на конституционный текст, широкое публичное обсуждение и признание принимаемых поправок, публичный дискурс в системе обратной связи выявления недостатков / пробелов и продвижения в общественное сознание достоинств конституции. Является ли долголетие конституции «достаточным свидетельством конституционного успеха»? Только в определенной степени, безусловной связи между успехом и долголетием, очевидно, нет. По мнению исследователей, нельзя признавать удовлетворительным такой взгляд на вещи, когда долголетие является «достаточным свидетельством конституционного успеха» [37. Р. 61]. Человеческая (не божественная) «рукотворность» конституций, как пишет Марк Брэндон, влияют на их судьбу (конституции – это «сделанные» вещи) и создаёт неумолимый эффект преходящего и в конституционной форме общественного бытия. Претензии на вечность любого конституционного режима заслуживают публичного обсуждения с позиций как востребованных, так и невостребованных конституционных преобразований. По всей видимости, любой конституционный эксперимент, хотя и может отличаться своей длительностью (годами, десятилетиями или столетиями), обречен на конечную форму своего существования во времени: «...как конституция вытесняет предыдущую конституцию или порядок, она

также может быть вытеснена при определенных обстоятельствах» [37. Р. 61–62].

Конституционный лексикон осмысляет *эвристическую ценность человеческого достоинства*. В познании тех или иных понятий важной оказывается их эвристическая ценность. Опираясь на эвристический метод Бернарда Лонергана (Bernard J.F. Lonergan), профессор философии (по кафедре католической философии) Глен Хьюз (Glenn Hughes) отмечает, что, по сути, «эвристические концепции играют центральную роль в познании и жизни человека» [38. Р. 8]. Он относит концепт достоинства к таким эвристическим понятиям, «смысл-содержание которых может все более охватываться последовательными актами познания»; при этом полное и завершенное содержание такого понятия остается в определенной степени неизвестным. Дальнейшее познание и даже «значительное открытие» всегда остается возможным, потому что смысл концепции никогда не может быть полностью понят существующим человеком. Когнитивная лингвистика позволяет методологически рассматривать достоинство в рамках открытой интерпретации, соединяя эвристическую ценность понятия с его лексическим смысловым многообразием. Такие термины, как «достоинство человеческой личности», «человеческое достоинство», «достоинство человека», могут отличаться содержательными коннотациями как отражающими связь между смыслом (коннотатом) и формой языковой единицы (именем или группой имен), однако каждый из таких терминов, где ядром выступает «достоинство» («*dignity*», «*dignus*»), является *открытым для интерпретации*, так как содержит открытую и одновременно глубинную семантическую структуру. Связь между открытостью и глубиной выражается множественностью смыслов термина «достоинство», в котором соединяются исторические, философско-этические, экзистенциальные, правовые и культурные оттенки. В когнитивной семантике используются термины «семантическая сеть» и «семантическое поле» для характеристики многозначного слова и обозначения вербализованного выражения взаимосвязей концептов.

Термин «семантическое поле» был введен в научный оборот Г. Ипсеном (в 1924 г.) и используется широким кругом ученых, различающих лингвистический и экстралингвистический подходы, опирающиеся на лексическую систему языка. Семантические поля могут объединять и лексические единицы, и различные значения полисемантического слова. По мнению исследователей, семантическое поле является множественным, которым охватываются слова с их семантической структурой, и лексико-семантические варианты многозначных слов, выражающие определенное понятие [39. С. 96]. Метод поля позволяет понимать язык как «продукт» сферы сознания не только отдельного народа (этнуса), но и человечества. Когда исследуются такие концепты, как «достоинство», «достоинство человеческой личности», «человеческое достоинство» в кросс-языковом и кросс-историческом значении, ядро семантического поля позволяет удерживать сущность и главное значение термина, а полю в целом раскрывать сходство и различия в юридической лексике разных языков. Как отмечает М.А. Бо-

чарова, метод поля позволяет «увидеть специфику “картины мира” в лексике разных языков» [40. С. 66].

Язык Конституции РФ и правовых позиций Конституционного Суда РФ по вопросам достоинства личности, его охраны и защиты оказывает влияние на формирование юридико-семантического поля концепта «достоинство». Можно говорить о появлении специфического конституционно-семантического поля понятия «достоинство личности». По мнению представителей лингвокультурологических исследований и когнитивной лингвистики, семантическое поле анализируемого концепта представляет собой иерархическую структуру, которая на первичном уровне сводится к единому ядру [41. С. 100–102]. Ядерная лексема (которая представлена концептом «достоинство») взаимодействует с остальными репрезентантами концепта, описывающими различные смысловые оттенки достоинства. С позиций культурного многообразия существует проблема культурной универсальности человеческого достоинства. Как отмечает исследователь из Университета Гонконга, «неуловимая природа человеческого достоинства создает проблемы, когда его оценивают в разных культурах». Тем не менее *достоинство* – это как *индивидуальная*, так и *общечеловеческая ценность с культурной спецификой и различными языковыми и правовыми формами выражения*. Отмечая общую связь с концепцией либеральной демократии, исследователь раскрывает ошибочность взгляда о том, что «идея человеческого достоинства» отсутствует в азиатских обществах, многие из которых функционируют в рамках альтернативных политических систем. Важное место в современном мире занимает межкультурная коммуникация; в такой перспективе необходим отказ от «этноцентризма и изучения сближения взглядов различных систем убеждений». Исследуя примеры конфуцианства и ислама, он раскрывает представление о том, как «человеческое достоинство понимается и реализуется в различных азиатских контекстах» [7. Р. 1–2].

*Достоинство личности и структура основ правового положения человека и гражданина:
общеправовые и конституционные аспекты*

Человеческое достоинство в российской (советской) юриспруденции имело важное нормативно-доктринальное значение применительно к некоторым областям правового регулирования. Советское государство допускало использование категории «достоинство личности» прежде всего в сфере гражданско-правового и гражданско-процессуального регулирования, но также и в сфере уголовно-правового и уголовно-процессуального регулирования. Научная сфера конституционной юриспруденции не формулировала доктрину человеческого достоинства применительно к сфере обеспечения и защиты основных прав и свобод личности. В дискуссии о конституционном статусе личности на современном этапе развития российской юриспруденции участвует и достоинство личности. В общей теории правового положения личности как интегральной части общей теории права существует давняя дискуссия о структурных элемен-

тах такого положения и их содержания; в такой же степени эта дискуссия охватывает и основы правового положения личности, конституционно-нормативную базу которого составляют положения главы 2 Конституции РФ («права и свободы человека и гражданина»). В современных дебатах о структуре основ правового положения личности существует несколько подходов, олицетворяющих различные доктринальные установки исследователей.

Первый подход отражает *традиционные* представления о структуре основ правового положения личности как системе взаимосвязанных элементов: гражданстве, конституционных принципах правового положения личности, основных правах, свободах и обязанностях человека и гражданина, механизме их защиты и обеспечения, юридических и иных гарантиях реализации.

Второй подход формирует представления о *новациях*, о *дискуссионных элементах* структуры основ правового положения личности, к таким элементам относят законные интересы, дееспособность, общую правосубъектность и другие, согласно авторским позициям советских и современных ученых в области общей и отраслевой юриспруденции. Значительный вклад в формирование научных (доктринальных) основ правового положения личности внесли советские и современные российские ученые как в области конституционного права, так и теории права, теории прав человека: С.А. Авакьян [42, 43], Н.В. Витрук [44, 45], Л.Д. Воеводин [46], Н.М. Колосова [47], Е.А. Лукашева [48], Н.И. Матузов [49], В.А. Патюлин [50], О.И. Тиунов [51], В.Е. Чиркин [52] и др. После вступления в силу Конституции РФ 1993 г. можно говорить о начале формирования и постепенном появлении *комплексного (и сложного) конституционно-правового института достоинства личности*. Этот институт – конституционно-правовая новация в структуре основ правового статуса человека и гражданина в РФ.

Как конституционно-правовая категория достоинство личности обладает качеством *целостности* благодаря тому, что выступает в *качестве гуманистического основания единства прав, свобод и обязанностей человека и гражданина*. Принцип единства прав, свобод и обязанностей занимает важное место в структуре основ правового положения личности и в системе конституционных принципов правового положения личности. По мнению исследователей-конституционалистов, единство прав и обязанностей личности связано с достижением «сбалансированного поведения личности» в различных сферах ее жизнедеятельности, с соблюдением целостности общественных отношений и обеспечением формально-юридического равенства индивидов [53. С. 35]. Помимо этого, единство прав и обязанностей, соединяя меру возможного и должного поведения личности, символизирует о юридической форме выражения единства индивидуальных и общественных интересов. Права и обязанности, взятые в единстве, «представляют целостную систему» [54. С. 93]. Достоинство и гражданство занимают в структуре правового положения личности пока еще полностью несогласованное положение, если учитывать относительную

новизну категории «достоинство личности» в российской конституционной юриспруденции. Конфликтность существует в двух основных линиях взаимодействия. Первая линия – принцип равного достоинства, на первый взгляд, тесным образом связан с принципом равного гражданства; признание достоинства личности конституционной ценностью и закрепление принципа равного гражданства не приводит к юридическому оформлению и обеспечению равного достоинства; ограничивается и принцип равного гражданства, особенно в отношении лиц, обладающих гражданством другого государства (двойным гражданством). Вторая линия – в многонациональном государстве, каким является Россия, с конституционно-правовых позиций достоинство личности не имеет особенностей правового регулирования, вызванных культурной, религиозной или национальной спецификой. Фактор языка влияет на отношения гражданства. Иностранцы граждане и лица без гражданства, постоянно проживающие на законном основании на территории РФ, в случае их признания *носителями русского языка* (в соответствии со ст. 33.1 Федерального закона о гражданстве) вправе обратиться с заявлениями о приеме в гражданство РФ в упрощенном порядке. Существует опасность преобладания в России *вектора развития гражданства в националистической перспективе*.

Как отмечает Роджерс Брубейкер, во многих национальных государствах, как в Европе, так и в других странах, борьба за гражданство в подавляющем большинстве случаев требовала включенности в политику, социального достоинства, права голоса и права зарабатывать на жизнь. Во многих или даже во всех европейских и североамериканских странах иммиграции можно найти националистический ответ на иммиграцию. Ученый указывает: «Столкнувшись с тем, что они воспринимают как девальвацию, десакрализацию, денационализацию и плюрализм гражданства, националисты защищают традиционную модель национального государства, подтверждая ценность и достоинство национального гражданства и подчеркивая идею о том, что членство в государстве предполагает национальное членство». Они требуют от иммигрантов либо натурализации, строго обусловленной ассимиляцией, либо отъезда [55. Р. 143]. Категория «достоинство», примененная к гражданству, возвышает его через уважение к нему. В националистической перспективе гражданство должно обладать достоинством и вызывать уважение. Гражданство должно обладать внутренней, а не просто инструментальной ценностью [55. Р. 147]. Достоинство личности способно «разблокировать» концепт «гражданство»: когда мы обсуждаем вопрос о его взаимоотношениях с достоинством человека, мы стремимся разблокировать гражданство из его концептов, которые сосредоточены на нем как на правовом (юридическом) и политическом статусе, выраженном в виде серии прав и обязанностей. Как уверяют исследователи, «мы стремимся к тому, чтобы гражданство воспринималось как практика, процессы и отношения» [56. Р. 2].

В такой же степени и достоинство личности как правовой институт комплексного характера следует

воспринимать через практику, процессы и отношения, связанные с реализацией и обеспечением не только самого достоинства, но и прав и свобод личности, равного достоинства и права на гражданство. Принимая во внимание, что гражданство ссылается на государственную (национальную) принадлежность и связанные с ней права, личность взывает к правам и достоинству людей независимо от государственного (национального) статуса [57. Р. 9]. Достоинство стремится выйти за пределы национальной юрисдикции и получить признание как универсальное правовое понятие.

В качестве выводов можно отметить эвристическую ценность человеческого достоинства для современного конституционализма, национального и международного правопорядка; достоинство личности чувствительно к социальной сфере и социальному обслуживанию. Пока в России провозглашено уважение достоинства личности при осуществлении функции по социальному обслуживанию населения, заслуживает внимания право на социальное благополучие; оно может быть связано с формированием стан-

дартов и воплощением универсальной социальной безопасности на территории России [58. С. 44]. Достоинство личности требует нового подхода к юридическому перечню основных прав и свобод; назрела необходимость конституционализировать право на социальное благополучие, в котором достойная жизнь будет иметь не только прожиточный минимум как обязательство государства и гарантию реализации достоинства в социальной сфере, но и облекаться в совокупность юридических притязаний: содержать параметры осуществления права на социальное благополучие, правомочия индивидов, обязательства государства и полномочия его органов по обеспечению и повышению стандартов социального благополучия в Российской Федерации.

Таким образом, после вступления в силу Конституции РФ 1993 г. постепенно формируется комплексный (и сложный) конституционно-правовой институт достоинства личности. Этот институт – конституционно-правовая новация в структуре основ правового статуса человека и гражданина в РФ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Это высказывание Ф. Фукуямы содержится в статье «Дорога для достоинства» («The drive for dignity»), редакционном комментарии к «арабской весне», опубликованном в журнале «Foreign Policy» [1].

² В труде «De Inventione», не переведенном на русский язык, Цицерон писал, что «dignitas est alicuius honesta et cultu et honore verecundia digna auctoritas» (достоинство есть почетный авторитет того, кто достоин поклонения, чести и почтения) [3].

³ По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 3 статьи 8 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Социалистической Республики Вьетнам Нгуен Чонг Хая: Постановление Конституционного Суда РФ от 29.05.2018 № 21-П // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 31.05.2018).

⁴ По делу о проверке конституционности статьи 46 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки И.В. Серegiной: Постановление Конституционного Суда РФ от 14.11.2018 № 41-П // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 16.11.2018).

⁵ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чабака Ивана Ивановича на нарушение его конституционных прав рядом положений Гражданского кодекса Российской Федерации, Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Положения о Федеральной миграционной службе: Определение Конституционного Суда РФ от 25.10.2018 № 2591-О // СПС Консультант Плюс. Документ опубликован не был.

ЛИТЕРАТУРА

1. Fukuyama F. The drive for dignity // Foreign Policy. 2012. 12 January. URL: <http://foreignpolicy.com/2012/01/12/the-drive-for-dignity/> (дата обращения: 12.12.2019).
2. Пико дела Мирандола Дж. Речь о достоинстве человека // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли : в 5 т. / отв. ред. М.Ф. Овсянников. М. : Изд-во Академии художеств СССР, 1962. Т. 1. С. 506–514.
3. Cicero M. Tullius. De Inventione / ed. by E. Stroebel. URL: <http://data.perseus.org/citations/urn:cts:latinLit:phi0474.phi036.perseus-lat1:2.166>. (дата обращения: 12.12.2019).
4. Lustig A. The Image of God and Human Dignity: A Complex Conversation // Christian Bioethics. 2017. Vol. 23, is. 3. P. 317–334. DOI: 10.1093/cb/cbx014
5. Schachter O. Human Dignity as a Normative Concept // American Journal of International Law. 1983. Vol. 77, is. 4. P. 848–854.
6. Hartogh G. den. 'Is Human Dignity the Ground of Human Rights?' // The Cambridge Handbook of Human Dignity: Interdisciplinary Perspectives / eds. by M. Düwell, J. Braarvig, R. Brownsword, D. Mieth. Cambridge : Cambridge University Press, 2014. P. 200–207.
7. Lee M.Y.K. Universal Human Dignity: Some Reflections in the Asian Context // Asian Journal of Comparative Law. 2008. Vol. 3, is. 1. Article 10. P. 1–33. DOI: 10.2202/1932-0205.1076
8. Бондарь Н.С. Конституционная категория достоинства личности в ценностном измерении: теория и судебная практика // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 4. С. 19–31.
9. Кравец И.А. Достоинство личности в теории и практике судебного конституционализма // Журнал конституционного правосудия. 2019. № 1. С. 11–20.
10. Невинский В.В. Конституция Российской Федерации и достоинство человека (воспоминание о будущем) // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11. С. 48–54.
11. Barak A. Human Dignity: The Constitutional Value and the Constitutional Right // Understanding Human Dignity / ed. by Ch. McCrudden. Oxford : British Academy, 2013. P. 361–380.
12. Glensy R.D. The Right to Dignity // Columbia Human Rights Law Review. 2011. Vol. 43, № 1. P. 65–142.
13. Bendor A.L., Sachs M. The Constitutional Status of Human Dignity in Germany and Israel // Israel Law Review. 2011. Vol. 44. P. 25–61.
14. Daly E. Dignity Rights: Courts, Constitutions, and the Worth of the Human Person. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2012. 248 p.
15. Bódig M. Dignity Rights: Courts, Constitutions, and the Worth of the Human Person by Erin Daly. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2011 // Journal of Human Rights. 2016. Vol. 15, is. 1. P. 150–155.
16. O'Mahony C. There Is no Such Thing as a Right to Dignity // International Journal of Constitutional Law. 2012. Vol. 10, is. 2. P. 551–574. DOI: 10.1093/icon/mos010

17. Waldron J. Dignity, Rank, and Rights (Tanner Lectures at the University of California, Berkeley, 2009). New York : Oxford University Press, 2012. 176 p.
18. Tribe L.H. Equal Dignity: Speaking Its Name // Harvard Law Review Forum. 2015. Vol. 129. P. 16–32.
19. Riley S. Human Dignity and Law. London : Routledge, 2018. 216 p. URL: <https://doi.org/10.4324/9781315268163>
20. Shultziner D., Carmi G.E. Human Dignity in National Constitutions: Functions, Promises and Dangers // American Journal of Comparative Law. 2014. Vol. 62, is. 2. P. 461–490.
21. Muhlmann M. Human Dignity and Autonomy in Modern Constitutional Orders // The Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law / eds. by M. Rosenfeld, A. Sajó. Oxford : Oxford University Press, 2012. P. 371–396. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199578610.013.0020
22. Murkens J.E.K. The Quest for Constitutionalism in UK Public Law Discourse // Oxford Journal of Legal Studies. 2009. Vol. 29, № 3. P. 427–455.
23. Кравец И.А. Конституция РФ, права человека и достоинство личности: диалог конституционной теории, практики конституционного правосудия и международных норм // Юридическая наука и практика. 2019. Т. 15, № 2. С. 93–104. DOI: 10.25205/2542-0410-2019-15-2-93-104
24. Moyn S. The Secret History of Constitutional Dignity // Yale Human Rights and Development Law Journal. 2014. Vol. 17, is. 1. P. 39–73.
25. Rawls J. A Theory of Justice: Revised Edition. Cambridge, Massachusetts : The Belknap Press of Harvard University Press, 1999. 538 p.
26. Nowak M. Foreword // Humiliation, Degradation, Dehumanization: Human Dignity Violated, Library of Ethics and Applied Philosophy 24 / eds. by P. Kaufmann et al. Springer, 2011. 265 p.
27. Кравец И.А. Достоинство личности: диалог теории, конституционных норм, международных регуляторов и социальной реальности // Журнал российского права. 2019. № 1. С. 112–128.
28. Brugger W. Dignity, Rights, and Legal Philosophy within the Anthropological Cross of Decision-Making // German Law Journal. 2008. Vol. 9, № 10. P. 1243–1267.
29. Goodhart M. Recent Works on Dignity and Human Rights: A Road Not Taken // Perspectives on Politics. 2014. Vol. 12, is. 4. P. 846–856. DOI: 10.1017/S1537592714002175
30. Schroeder D. Human Rights and Human Dignity: An Appeal to Separate the Conjoined Twins // Ethical Theory and Moral Practice. 2012. Vol. 15, № 3. P. 323–335. DOI: 10.1007/s 10677-011-9326-3
31. Barak A. The Judge in a Democracy. Princeton, NJ : Princeton University Press, 2008. 368 p.
32. Barak A. Human Dignity: The Constitutional Value and the Constitutional Right. Cambridge University Press, 2015. xxxviii, 360 p.
33. Kolnai A. Dignity // Philosophy. 1976. Vol. 51, № 197. P. 251–271.
34. Марченко В.Я. Достоинство личности в конституционно-правовом измерении : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 24 с.
35. Штанько И.Н. Достоинство личности как правовое явление : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. 26 с.
36. Santos J.A. Constitutionalism, Resistance and Militant Democracy // Ratio Juris. 2015. Vol. 28 (3). P. 392–407.
37. Brandon M.E. Constitutionalism and Constitutional Failure // The Good Society. 1999. Vol. 9, № 2. P. 61–67.
38. Hughes G. The Concept of Dignity in the Universal Declaration of Human Rights // The Journal of Religious Ethics. 2011. Vol. 39, № 1. P. 1–24.
39. Башарина А.К. Понятие «семантическое поле» // Вестник ЯГУ. 2007. Т. 4, № 1. С. 93–96.
40. Бочарова М.А. Семантическое поле как способ системного описания лексики // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2012. № 4. С. 63–67.
41. Павленко В.Г. Языковые средства вербализации лингвокультурного концепта «cognition» в английском языке // Язык и культура. 2016. № 4. С. 100–111. DOI: 10.17223/19996195/36/8
42. Авакьян С.А. Конституционное право России : учебный курс : в 2 т. М. : Юрист, 2005. Т. 1. 719 с.
43. Авакьян С.А. Конституционное право России. Учебный курс : учебное пособие : в 2 т. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Норма: ИНФРА-М, 2017. Т. 1.
44. Витрук Н.В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе / отв. ред. В.А. Папулин. М. : Наука, 1979. 229 с.
45. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М. : Норма, 2017. 448 с.
46. Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. М. : Изд-во МГУ, 1997. 299 с.
47. Колосова Н.М. Конституционно-правовой статус человека и гражданина // Конституционное законодательство России / под ред. Ю.А. Тихомирова. М. : Городец, 1999. 382 с.
48. Права человека / отв. ред. Е.А. Лукашева. 2-е изд., перераб. М. : Норма, 2011. 560 с.
49. Матузов Н.И. Правовой статус личности: понятие, структура, виды // Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрист, 2001. 776 с.
50. Папулин В.А. Государство и личность в СССР. Правовые аспекты взаимоотношений / отв. ред. Н.П. Фарберов. М. : Наука, 1974. 246 с.
51. Конституционные права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации : учеб. для вузов / под ред. О.И. Тиунова. М. : НОРМА, 2005. 608 с.
52. Чиркин В.Е. Конституционная терминология. М. : Норма; ИНФРА-М, 2016. 272 с.
53. Невинский В.В. Юридическая конструкция правового положения человека и гражданина // Личность и государство на рубеже веков : сб. науч. ст. / под ред. В.В. Невинского. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 17–38.
54. Быков О.П. Единство прав и обязанностей личности как условие ее гармоничного развития в обществе // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 328. С. 93–95.
55. Brubaker R. Citizenship and Nationhood in France and Germany. Harvard University Press, 1992. 281 p.
56. Clarke J., Coll K., Dagnino E. and Neveu C. Disputing citizenship. Bristol University Press, 2014. 224 p.
57. Bosniak L. Persons and citizens in constitutional thought // International Journal of Constitutional Law. 2010. Vol. 8, is. 1. P. 9–29. DOI: <https://doi.org/10.1093/icon/mop031>
58. Кравец И.А. Конституционализация достоинства личности и перспективы права на социальное благополучие // Государство и право. 2020. № 1. С. 41–53. DOI: 10.31857/S013207690008349-5

Статья представлена научной редакцией «Право» 7 мая 2020 г.

A “Worthy Man” (“Homo Dignus”) in Modern Constitutionalism and in the Legal Regulation of the Status of a Person (Domestic, Comparative and International Aspects)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 459, 242–255.

DOI: 10.17223/15617793/459/30

Igor A. Kravets, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: kravigor@gmail.com

Keywords: homo dignus; human dignity; constitutionalism; right to dignity; imago Dei, legal concept of man, constitutional status of person, equal dignity.

The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-011-00761 A.

The article considers *homo dignus* as a theoretical, constitutional, and legal concept; secular and theological approaches to understanding human dignity, differences between the Roman concept of *dignitas* and the theological concept “image of God” (“*imago Dei*”). The problem of constitutional-legal and wider legal regulation of human dignity in the domestic and international context is investigated. The many faces of the term “dignity” in modern scientific jurisprudence and approaches to understanding the dignity of personhood in constitutional jurisprudence in a comparative aspect are revealed. The article uses methods of discursive and comparative legal analysis, the method of constitutional design, specific historical and formal legal methods of analysis. The author notes the existence of five areas that affect the legal concept of man and legal forms of consolidation of human dignity: (1) a philosophical and legal approach that combines analytic philosophy with analytical jurisprudence; (2) a philosophical and ethical approach that upholds the moral and humanistic value of human dignity; (3) an existential approach encompassing philosophical and legal existence; (4) a theological approach based on Christian ethics; (5) the approach of legal polymorphism. This article substantiates the concept “constitutionalism of human dignity” from the standpoint of the Russian, comparative and international contexts. The author believes that the doctrine of constitutionalism of human dignity is being formed in Russia. The doctrine seeks to cover various legal aspects of using the concept “dignity of personhood”, as enshrined in the provisions of Part 1 of Article 21 of the Constitution of the Russian Federation. The elements of this doctrine are: (1) the principle of respect for human dignity, (2) the principle of constitutional safeguard of the dignity of personhood, (3) the principle of constitutional, constitutional procedural and Russian sectoral (procedural) protection of the dignity of personhood, (4) the principle of equal dignity as a constitutionalized principle of the foundations of the legal status of a person, (5) the subjective constitutional right to dignity. The article contains reflections on the universality and constitutional and semantic field of the concept “dignity”, on the heuristic value of human dignity for modern constitutionalism, national and international rule of law; about the place of dignity of personhood in the structure of the foundations of the legal status of man and citizen, general legal and constitutional aspects of identifying the institution of dignity of personhood; the problem of the ratio of equal dignity and citizenship. The article concludes that, after the entry into force of the Constitution of the Russian Federation (1993), a complex constitutional legal institution of the dignity of personhood is being gradually formed. This institution is a constitutional and legal innovation in the structure of the foundations of the legal status of man and citizen.

REFERENCES

1. Fukuyama, F. (2012) The drive for dignity. *Foreign Policy*. 12 January. [Online] Available from: <http://foreignpolicy.com/2012/01/12/the-drive-for-dignity/> (Accessed: 12.12.2019).
2. Pico della Mirandola, G. (1962) Rech' o dostoinstve cheloveka [Oration on the dignity of man]. Translated from Italian. In: Ovsyannikov, M.F. (ed.) *Istoriya estetiki. Pamyatniki mirovoy estetieskoy mysli: v 5 t.* [History of aesthetics. Monuments of world aesthetic thought: in 5 volumes]. Vol. 1. Moscow: USSR Academy of Arts. pp. 506–514.
3. Tullius Cicero, M. (1915) *De Inventione*. [Online] Available from: <http://data.perseus.org/citations/urn:cts:latinLit:phi0474.phi036.perseus-lat1:2.166>. (Accessed: 12.12.2019).
4. Lustig, A. (2017) The Image of God and Human Dignity: A Complex Conversation. *Christian Bioethics*. 23 (3). pp. 317–334. DOI: 10.1093/cb/cbx014
5. Schachter, O. (1983) Human Dignity as a Normative Concept. *American Journal of International Law*. 77 (4). pp. 848–854.
6. den Hartogh, G. (2014) ‘Is Human Dignity the Ground of Human Rights?’ In: Düwell, M., Braarvig, J., Brownsword, R. & Mieth, D. (eds) *The Cambridge Handbook of Human Dignity: Interdisciplinary Perspectives*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 200–207.
7. Lee, M.Y.K. (2008) Universal Human Dignity: Some Reflections in the Asian Context. *Asian Journal of Comparative Law*. 3 (1). Article 10. pp. 1–33. DOI: 10.2202/1932-0205.1076
8. Bondar', N.S. (2017) Constitutional category of human dignity in value-based measurement: Theory and court practice. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 4. pp. 19–31. (In Russian).
9. Kravets, I.A. (2019) Human dignity in the theory and practice of judicial constitutionalism. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya – Journal of Constitutional Justice*. 1. pp. 11–20. (In Russian).
10. Nevinskiy, V.V. (2013) The constitution of the Russian Federation and dignity of a person (Recollection of the future). *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 11. pp. 48–54. (In Russian).
11. Barak, A. (2013) Human Dignity: The Constitutional Value and the Constitutional Right. In: McCrudden, Ch. (ed.) *Understanding Human Dignity*. Oxford: British Academy. pp. 361–380.
12. Glensy, R.D. (2011) The Right to Dignity. *Columbia Human Rights Law Review*. 43 (1). pp. 65–142.
13. Bendor, A.L. & Sachs, M. (2011) The Constitutional Status of Human Dignity in Germany and Israel. *Israel Law Review*. 44. pp. 25–61.
14. Daly, E. (2012) *Dignity Rights: Courts, Constitutions, and the Worth of the Human Person*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
15. Bódig, M. (2016) Dignity Rights: Courts, Constitutions, and the Worth of the Human Person by Erin Daly. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2011. *Journal of Human Rights*. 15 (1). pp. 150–155.
16. O'Mahony, C. (2012) There Is no Such Thing as a Right to Dignity. *International Journal of Constitutional Law*. 10 (2). pp. 551–574. DOI: 10.1093/icon/mos010
17. Waldron, J. (2012) *Dignity, Rank, and Rights* (Tanner Lectures at the University of California, Berkeley, 2009). New York: Oxford University Press.
18. Tribe, L.H. (2015) Equal Dignity: Speaking Its Name. *Harvard Law Review Forum*. 129. pp. 16–32.
19. Riley, S. (2018) *Human Dignity and Law*. London: Routledge. DOI: 10.4324/9781315268163
20. Shultziner, D. & Carmi, G.E. (2014) Human Dignity in National Constitutions: Functions, Promises and Dangers. *American Journal of Comparative Law*. 62 (2). pp. 461–490.
21. Mahlmann, M. (2012) Human Dignity and Autonomy in Modern Constitutional Orders. In: Rosenfeld, M. & Sajo, A. (eds) *The Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law*. Oxford: Oxford University Press. pp. 371–396. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199578610.013.0020
22. Murkens, J.E.K. (2009) The Quest for Constitutionalism in UK Public Law Discourse. *Oxford Journal of Legal Studies*. 29 (3). pp. 427–455.
23. Kravets, I.A. (2019) The Constitution of the Russian Federation, Human Rights and Human Dignity: Dialogue of Constitutional Theory, Practice of Constitutional Justice and International Norms. *Yuridicheskaya nauka i praktika – Juridical Science and Practice*. 15 (2). pp. 93–104. (In Russian). DOI: 10.25205/2542-0410-2019-15-2-93-104
24. Moyn, S. (2014) The Secret History of Constitutional Dignity. *Yale Human Rights and Development Law Journal*. 17 (1). pp. 39–73.
25. Rawls, J. (1999) *A Theory of Justice*. Revised Edition. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press.
26. Nowak, M. (2011) Foreword. In: Kaufmann, P. et al. (eds) *Humiliation, Degradation, Dehumanization: Human Dignity Violated*. Library of Ethics and Applied Philosophy 24. Springer.
27. Kravets, I.A. (2019) Human dignity: Dialogue of theory, constitutional norms, international regulators and social reality. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 1. pp. 112–128. (In Russian).

28. Brugger, W. (2008) Dignity, Rights, and Legal Philosophy within the Anthropological Cross of Decision-Making. *German Law Journal*. 9 (10). pp. 1243–1267.
29. Goodhart, M. (2014) Recent Works on Dignity and Human Rights: A Road Not Taken. *Perspectives on Politics*. 12 (4). pp. 846–856. DOI: 10.1017/S1537592714002175
30. Schroeder, D. (2012) Human Rights and Human Dignity: An Appeal to Separate the Conjoined Twins. *Ethical Theory and Moral Practice*. 15 (3). pp. 323–335. DOI: 10.1007/s 10677-011-9326-3
31. Barak, A. (2008) *The Judge in a Democracy*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
32. Barak, A. (2015) *Human Dignity: The Constitutional Value and the Constitutional Right*. Cambridge University Press.
33. Kolnai, A. (1976) Dignity. *Philosophy*. 51 (197). pp. 251–271.
34. Marchenko, V.Ya. (2008) *Dostoinstvo lichnosti v konstitutsionno-pravovom izmerenii* [Human dignity in the constitutional and legal dimension]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
35. Shtan'ko, I.N. (2006) *Dostoinstvo lichnosti kak pravovoe yavlenie* [Human dignity as a legal phenomenon]. Abstract of Law Cand. Diss. Vladimir.
36. Santos, J.A. (2015) Constitutionalism, Resistance and Militant Democracy. *Ratio Juris*. 28 (3). pp. 392–407.
37. Brandon, M.E. (1999) Constitutionalism and Constitutional Failure. *The Good Society*. 9 (2). pp. 61–67.
38. Hughes, G. (2011) The Concept of Dignity in the Universal Declaration of Human Rights. *The Journal of Religious Ethics*. 39 (1). pp. 1–24.
39. Basharina, A.K. (2007) Semantic field. *Vestnik YaGU*. 4 (1). pp. 93–96. (In Russian).
40. Bocharova, M.A. (2012) Semantic field as a method of the system description of vocabulary. *Vestnik RUDN. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost'*. 4. pp. 63–67. (In Russian).
41. Pavlenko, V.G. (2016) Linguistic means of linguocultural concept “cognition” in English. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 4. pp. 100–111. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/36/8
42. Avak'yan, S.A. (2005) *Konstitutsionnoe pravo Rossii: uchebnyy kurs: v 2 t.* [Constitutional law of Russia: Training course: In 2 volumes]. Vol. 1. Moscow: Yurist.
43. Avak'yan, S.A. (2017) *Konstitutsionnoe pravo Rossii. Uchebnyy kurs: uchebnoe posobie: v 2 t.* [Constitutional law of Russia: Training course: In 2 volumes]. 5th ed. Vol. 1. Moscow: Norma: INFRA-M.
44. Vitruk, N.V. (1979) *Osnovy teorii pravovogo polozheniya lichnosti v sotsialisticheskoy obshchestve* [Foundations of the theory of the legal status of an individual in a socialist society]. Moscow: Nauka.
45. Vitruk, N.V. (2017) *Obshchaya teoriya pravovogo polozheniya lichnosti* [General theory of the legal status of the individual]. Moscow: Norma.
46. Voevodin, L.D. (1997) *Yuridicheskiy status lichnosti v Rossii* [The legal status of a person in Russia]. Moscow: Moscow State University.
47. Kolosova, N.M. (1999) Konstitutsionno-pravovoy status cheloveka i grazhdanina [Constitutional and legal status of person and citizen]. In: Tikhomirov, Yu.A. (ed.) *Konstitutsionnoe zakonodatel'stvo Rossii* [Constitutional legislation of Russia]. Moscow: Gorodets.
48. Lukasheva, E.A. (ed.) (2011) *Prava cheloveka* [Human rights]. 2nd ed. Moscow: Norma.
49. Matuzov, N.I. (2001) Pravovoy status lichnosti: ponyatie, struktura, vidy [Legal status of a person: Concept, structure, types]. In: Matuzov, N.I. & Malko, A.V. (eds) *Teoriya gosudarstva i prava: kurs lektsiy* [Theory of state and law: A course of lectures]. 2nd ed. Moscow: Yurist’.
50. Patyulin, V.A. (1974) *Gosudarstvo i lichnost' v SSSR. Pravovye aspekty vzaimootnosheniy* [State and person in the USSR. Legal aspects of relations]. Moscow: Nauka.
51. Tiunov, O.I. (ed.) (2005) *Konstitutsionnye prava i svobody cheloveka i grazhdanina v Rossiyskoy Federatsii: ucheb. dlya vuzov* [Constitutional rights and freedoms of man and citizen in the Russian Federation: A textbook for universities]. Moscow: NORMA.
52. Chirkin, V.E. (2016) *Konstitutsionnaya terminologiya* [Constitutional terminology]. Moscow: Norma; INFRA-M.
53. Nevinskiy, V.V. (2000) Yuridicheskaya konstruktsiya pravovogo polozheniya cheloveka i grazhdanina [Legal structure of the legal status of person and citizen]. In: Nevinskiy, V.V. (ed.) *Lichnost' i gosudarstvo na rubezhe vekov* [Person and state at the turn of the century]. Barnaul: Altai State University. pp. 17–38.
54. Bykov, O.P. (2009) The unity of the rights and obligations of a personality as a condition for its harmonic development in society. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 328. pp. 93–95. (In Russian).
55. Brubaker, R. (1992) *Citizenship and Nationhood in France and Germany*. Harvard University Press.
56. Clarke, J., Coll, K., Dagnino, E. & Neveu, C. (2014) *Disputing Citizenship*. Bristol University Press.
57. Bosniak, L. (2010) Persons and citizens in constitutional thought. *International Journal of Constitutional Law*. 8 (1). pp. 9–29. DOI: 10.1093/icon/mop031
58. Kravets, I.A. (2020) Constitutionalization of human dignity and prospects for the right to social well-being. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 1. pp. 41–53. (In Russian). DOI: 10.31857/S013207690008349-5

Received: 07 May 2020